

847614
БЭ1
ПРИЛОЖЕНИЕ
№43 2013

Огни Кузбасса

Николай Бацевич

Грудь забоя
скорбно мигрочит
Стихотворения

(7) 7-3145
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

1709/48

84Р6К
БЗ1

Николай БАЦЕВИЧ

ГРУДЬ ЗАБОЯ
СКОРБНО МИРОТОЧИТ

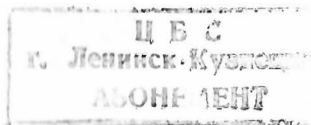
Стихотворения

Кемерово
Печатный двор Кузбасса
2013

ББК 84R1-5
Б31

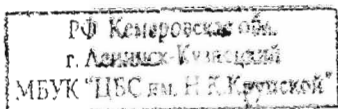
97108 (1)

Бацевич, Н.

Б31 Грудь забоя скорбно мироточит: стихотворения / Николай Бацевич. – Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013. – 95 с.

ББК 84R1-5

© Бацевич Н., 2013
© ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013

АВТОБИОГРАФИЯ

Летом 1945 года эшелон с репатриантами прибыл на станцию г. Черемхово Иркутской области, и был расквартирован среди местных жителей. Наша семья, бабушка и мама, приняли на постой Агишкина Павла, который впоследствии, в 1946 году стал моим отцом.

Моя мама, Бацевич Пелагея Антоновна, инвалид первой группы по зрению, ставила меня на ноги одна. Отца своего не помню, он бросил нас навсегда, когда мне не было и двух лет.

В 1956 году я был отдан на воспитание в школу – интернат №1 г. Черемхово, где я и закончил 11 классов. По окончании школы пошел работать электрослесарем на завод.

Когда мне исполнилось 18 лет, спустился в угольную шахту. Начинал с сумконосца, по доставке взрывчатых материалов и впоследствии освоил почти все шахтерские профессии.

1983 году заочно окончил Кемеровский горный техникум. Довелось поработать на шахтах: «Шевякова» – г. Междуреченск, «Березовская» – г. Березовский, «Бутовская» – г. Кемерово, на руднике «Витимский» – Иркутской области.

Подземный стаж – 30 лет, 20 из которых – забойный. Общий трудовой стаж – 45 лет, ветеран труда.

В 2008 году губернатором Кемеровской области Аманом Гумировичем Тулеевым награжден медалью «За веру и добро». Женат, имею дочь и внуку.

Николай БАЦЕВИЧ

ГДЕ ГРУДЬ ЗАБОЯ СКОРБНО МИРОТОЧИТ

Разбужен взрывами с утра медвежий угол
Моя сибирская родная сторона.
Здесь добывается кузбассовцами уголь,
В котором так нуждается страна.
Драглайн стрелою разгоняет в небе тучи,
Кипит работа от утра и до утра,
Чтобы Россия стала сильной и могучей,
И было в людях больше света и добра.
Где на копрах всю ночь горят прожектора
Кипит в забоях неустанная работа,
А это значит, у шахтеров есть забота,
Чтоб нам жилось сегодня лучше, чем вчера.
Я прикипел к тебе, кузнецкая тайга,
В твоих объятьях я подпитываю силу
И с каждым шагом все сильнее люблю Россию,
Она мне будет вечно дорога!

* * *

После рельсовой революции
Прокатилось времечко тачкою
По России с раскатом, как гром!
Обошлось все бескровною стычкою,
Надо думать теперь о другом.
Нет шестой статьи в конституции
Изменилось сознание в нас,
После рельсовой революции
Поднимать надо было Кузбасс!
И нашелся у локомотива
Делу преданный машинист,
Появилась и перспектива,
Если впрягся специалист!
Мы, пожалуй, такого не помним,
Как же радуется душу и глаз,
Расцветая в таежном притомье
Нами всеми любимый Кузбасс!
Все суровыми нитками шьется,
Это – явь, а не голый обман...
Что задумал, того и добьется
Губернатор Тулеев Аман!

*Труд шахтера – это ураган,
Труд шахтера – это очень трудно...*

Н. Анциферов

I

Месяц спрятался за копер
Да показывает рога.
Вот выходит из шахты шахтер,
Зубы чистые жемчуга.
Из-под каски блестят глаза,
Лоб покрыл крупный бисер пота,
Ты поверишь тому, кто сказал,
Что трудна под землей работа.

II

По бремсбергу из глубины выходят люди
Уставшие, вдыхают воздух полной грудью
Хозяева подземных кладовых.
Мне нравится тогда смотреть на них!
Какая сила тянет к ним меня?
И каждый раз по-новому маня.
Есть мужество особенного свойства,
Не чувствовать особого героизма,
Спускаясь, каждый раз в сырой забой,
Где каменное небо над тобой,
Где нету дня, где черен бархат ночи,
Где грудь забоя скорбно мироточит...

* * *

1

Не одну я рубаху выжал,
Что промокла на мне от пота,
Может быть от того и выжил,
Что с прохладцею не работал!
Был подобен когда-то агрессору,
Я с отбойным своим молотком,
Навалясь на него животом,
Зарубался в забой в такт компрессору!
Ставил стойки в органный ряд,
Я с напарником в лаве прочно.
Выжат был, как лимон, но наряд
Выполнялся за смену досрочно!
Тьму раскраивал ярким светом,
Уставал, но всегда наряд
Успевал выполнять при этом!
И лучились карим огнем
На лице моем очи чалдоньи,
Полированные углем,
Отражали солнце ладони!

2

Два лезвия шахтерских глаз во тьму,
И вскрыта тьма лучом шахтерской лампы...
Теперь я понял точно почему,
Я буду петь шахтерам дифирамбы!

Мы пэтэушники, безусые юнцы,
В забой спустились, попирая страхи,
Рубили уголь, также как отцы,
Пот утирая подолом рубахи!
Порою огрызалась мать-Земля,
В объятья забирая самых лучших,
Не скрою, был на перепутье я:
«Довольно, хватит, может быть, пора
Покинуть шахту, выйти на-гора,
Где душу отогреет солнца лучик?»
И все-таки не струсил я тогда,
Не изменил профессии ни разу,
И, в память о забое, навсегда
Остался синий шрам под правым глазом.

* * *

По шурфу поднимается к свету,
Пусть там пасмурно, дождик, жара,
Для шахтера счастливее нету
Время выхода на-гора!
После тьмы непроглядной забоя,
Повалив навзничь тело в траву,
Пьют шахтерские очи запоем
Неба утреннего синеву.
Вот идут они, спины согнувши,
В пыли угольной строги глаза,
Смотрят в душу мою, не моргнувши,
Так же пристально, как образа.
Если был бы как Врубель талантлив,
То писал бы иконы с них я...
Ведь забойщики это атланты
И святые они для меня!

* * *

Про это я еще не рассказал,
Что наболело, выплесну, не вылью,
Когда в меня вдруг выстрелят глаза,
Подкрашенные угольной пылью!
Сражен я буду ими наповал,
Не понаслышке знаю это племя.
Навечно мне запомнилось то время,
Когда попал я в шахте под завал.
Засыпало по грудь меня в чертоге,
В завале сильно ноги затекли,
Тогда впервые вспомнил я о Боге,
Почувствовав дыхание земли.
Лежал и думал:
«Это ж надо, Коля,
Как ухитрился ты сюда прилечь?»
Потрескивала надо мною кровля
И нависала, как дамоклов меч!
Повыхлестало крепь из-под прогона,
От холода пошла по телу дрожь,
Я песню напевал про коногона,
Про коногона все одно и тож...
Конец был прост, и, в общем-то, банален:
Меня из-под завала извлекли,
Напарники мои лихие парни,
Оставив под завалом сапоги
Встречаю день шахтера нынче вновь я,

Снимаю шляпу перед вами я,
Дай бог вам всем сибирского здоровья,
Пусть крепкою над вами будет кровля,
Добытки кузбасского угля!

* * *

Смонтирована нами в шахте лава,
Есть для рекордов угольных замес.
Кому-то, может, в ней почёт и слава,
А для кого-то – на погосте крест.

* * *

Нету преданней друга,
Если рядом беда,
Добывающий уголь,
Не предаст никогда!
Труд шахтера венчают
На груди ордена,
Как в бою их вручает
По заслугам страна!
Под сыпучею кровлей
Уголь в недрах сокрыт,
Потом, нервом и кровью
Горняками добыт.
Их на наших погостах
Никогда не забыть.
Это, ох как не просто,
Молодых хоронить.

* * *

Я вспоминаю молодость вчерашнюю,
Когда за черным золотом, как в бой,
Бесстрашно мы бросались в рукопашную,
И был нам фронтом угольный забой!
Сдав в ламповой свои аккумуляторы,
Самоспасатели после ночной,
Уставшие, с телами гладиаторов,
Шахтеры шли, не торопясь, к парной,
И, мне тогда, как изваянья, нравились
Тела шахтеров, что со мною парились.
Им мог бы позавидовать любой,
Лепил их скульптор – угольный забой!

* * *

На копре закрутились два колеса —
На погосте заплакала чья-то краса.

Как не прискорбно, но, увы,
Он с незапамятных времен,
Тот уголек, что жжете вы,
Шахтерской кровью окроплен.

* * *

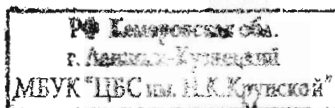
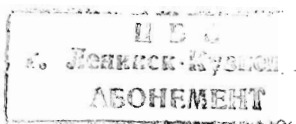
Помню, как мне в юности долдонил
Дед мой: «У шахтера краткий век,
От работы, внучек,дохнут кони,
А, не то, что божий человек!»
Не один пуд соли съеден мною
Был, пока осмыслил жизнь свою,
От того и годы сединою
Выкрасили голову мою!
Жизнь внесла большие перемены,
Мне, напомнив дедова коня...

На-гора однажды после смены
Выдали помятого меня!
Видно, зря мне в юности долдонил
Дед про наш шахтерский краткий век.
Жалко, что я поздно это понял...
И, сегодня на моей ладони,
Обращённой вверх, не тает снег.

* * *

Елки-моталки,
Такие вот дела,
В забое на опалке,
Кошмарной ночь была!
Потрескивала кровля,
Бугру сломало нос,
Он, истекая кровью,
Домой себя «понес»
«Нам до рекорда малость,
Каких-то сотню тонн,
Качать угля осталось
Ребята», – Молвил он.
И, мы как злые черти,
В кругу чертей вертяться,
Ту сотню дали, верьте,
Лишь Богу помолясь.

10/80176

* * *

1

Мы угасаем, словно свечи,
Так краток нашей жизни миг.
Сияло солнце – смотришь – вечер
И ты уже седой старик.

2

Не возвратит назад года,
Надрывно плачущая скрипка,
Одна ошибка – не беда.
Беда, когда вся жизнь ошибка!

РАЗГОВОР ХМЕЛЬНОЙ ЗА КРУЖКОЙ ПИВНОЙ

Эх, скажу я вам ребята, все имел и я когда-то,
Ну, не все, конечно, впрочем
Раз в два года грелся в Сочи
Я на пляже всей семьей.
Было время, боже мой!
Даже съездил, слышишь, блин,
Посмотреть с женой Берлин,
Непонятно было. Ну,
Проиграли нам войну,
А живут, поверишь мне,
Лучше чем у нас в стране.
Жили честно, но смогли
Накопить на Жигули.
Жигуденок сгнил давно,
Превратившийся в г...но.
Память светлая о нём
Не проходит с новым днем.
Отработал три десятка
Под землею я вприсядку,
Там под угольной горой
Заработал геморрой.
Накопил денег на книжке,
Думал, внукам на штанишки,
Все сгорело за три дня,
Нищим сделали меня.

Да, недавно из Берлина,
Где когда-то я бывал
Русский немец вместе с сыном
У меня загостевал.
Вместе с ним «пахали» в лаве,
Заработали по славе
И, конечно, пенсион.
Только я остался дома,
Здесь родня, здесь все знакомо,
За границу двинул он.

Я живу, и он живет.
Он в разъездах, я же вот!

ЗАБЫТОЕ СЛОВО

Быть немощным здоровьем непорочно,
Всевышний всем воздаст по их делам,
Идет обкатка шахтой душ на прочность,
Где горе и веселье пополам.
В семье шахтеров места нет тому,
Кто черств душой своей и сердцем скуден,
Пускай дорогу в шахту он забудет,
Как страшный сон, приснившийся ему.
Кто в лаве при отпалке¹ не бывал,
То, говорят, тот не крестился Богу,
Вот грянул взрыв, пошел угля навал,
Тут ноги в руки, дай ему дорогу!
За врубмашиной успевай крепить.
Иначе кровля рухнет над тобою,
Здесь некогда глоток воды испить,
Успей пробить подвеску² по забою
Бывает, что шахтеру черт не брат,
Из черта он, коль надо, душу вынет.
Забыто слово «Пролетариат»,
Но мне ласкает слух оно и ныне!

¹ Отпалка – буровзрывные работы в лаве.

² Подвеска – временное крепление.

* * *

*А взгляд пронзительен и страшен,
Из глубины Сибирских душ!*

Т. Николаева

Труд шахтера пострашней торнадо,
Под землю рукопашный бой.
Но шахтеры помнят слово «надо»,
Потому спускаются в забой.
Знают, что такое – уголь с кровью,
Кто вприсядку, кто и на боку,
Горняки под каменной кровлей;
Крепят лаву через не могу!
Я постиг горняцкие секреты,
С ними был лицом к лицу знаком,
Проходил я университеты,
Под землей в забое пареньком.
Верю я, что нету лучше друга,
Коль к тебе подкралась беда,
Кто в забое добывает уголь,
Не предаст, я знаю, никогда.
Мы с Серегою дружили с детства,
В памяти лишь светлые года,
Вместе из барачного соседства
Опустились в шахту мы тогда.
Не уйму и ныне видно боль я,
Помню всё как будто бы вчера
Когда мы Серёгу из забоя

Мёртвого подняли на-гора.
После похорон мне жутко стало,
Ночью среди сна в поту вставал
Из того проклятого завала
Мне Сергей стихи мои читал.
Если б не тогдашняя стихия,
Где Серега под завал попал.
Не писал про шахту бы стихи я
И поэтом может быть, не стал.

* * *

Жизнь со мной играла в прятки.
То прилюдно, то, тайком,
То ее я на лопатки,
то она меня ничком.
Было время из забоя
Выходил Гераклом я,
А случалось и такое,
На носилочках меня
Выдавали ночью темной,
Я ж, фатовый, выживал.
Нынче вспомнить есть о чем мне...
Жизнь прошла, окончен бал!

* * *

Заря котенком розовым
Спешит к лесам березовым,
Игривою повадкою
Сшибает звезды лапкою.
А небо станет голубей,
Разбудит стаю голубей,
Пруду перед околицей,
Как водится, поклонится,
И сядет на оконце
Ворожит людям солнце.

* * *

Солнце просит извиниться,
За приопоздание.
И спешит лучом пролиться,
В улицы и здания.

Чтобы мне понравиться,
Солнце так, старается!

Воздух перегрелся, жарко.
Мне, поверьте, солнце жалко.
Я платочком пот утру,
Солнце дорого к утру.

* * *

Шелест осени, шелест осени...

Шарят прохожие в листьях опавших подошвами,
Похожие на растерянных, словно что-то ищут утерянное,
В опавших листьях, с неба упавших, собравшихся в ворохи.
В городе осень, в городе шорохи...

* * *

Я верю вдохновению, оно
Как сердце Данко, светится и манит,
И никогда, поверьте, не обманет,
Коль есть надежда в мыслях ваших. Но
Какая боль на сердце у меня,
Когда не станет этого огня,
Когда исподтишка, усмешкой злою,
Его раздавят грубою ногою.

* * *

Как во сне,
Первый снег в сентябре!
Навалило мгновенно
Воробью по колено.

ОСЕНЬ

О, синь звенящая, под куполом неба,
Манящая, существующая небыль.
И пар изо рта,
И стерильная чистота,
И это безлюдие,
Как прелюдия к людям.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Время близится к обеду,
Я иду не на парад.
Я иду к родному деду,
Он, принесший нам победу
В сорок пятом, будет рад.

Я же, внук его, могу ли
Не поздравить с этим днем!
Расцелуемся с дедулей,
По-мужски слезу смахнем.

Я достану свой четок:
«Выпьем, дедушка, чуток,
По сто граммов фронтовых,
За погибших, за живых».
И пойдет беседа,
Словно ворожба.
У России, дедушка,
Схожая судьба...
Пусть Россия славится,
Снятая с креста.
Дай ей бог поправиться,
Все тогда поставится
На свои места.

* * *

Туда, туда, на Корчуган,
Где тишь, да гладь на белом свете.
Где деревенский мальчуган,
Поможет мне поставить сети.

Там – одиночество вдохну,
Где, распутивши косы, ива,
Как женщина не торопливо
Отходит медленно ко сну.

Где утром бязевый туман,
Укроет согру непременно.
И я пойму тогда наверно,
Что жизнь, конечно, не обман.

Как написал поэт в смятенье,
А грусть, подобная осенней,
Когда с березы лист, упав,
Последнее выводит па.

* * *

Смотрю, как низко у земли
Со странным криком журавли
Летят, а это по примете,
Жди перемены в бабьем лете.

А журавли спешат, и пусть их
На огороде давней грустью
Проводит в солнечную даль
Немой колодезный журавль.

И он, годами озабочен,
Привыкший на небо смотреть,
Конечно же, безумно хочет,
За журавлями полететь.

Журавль колодезный, прости.
Мне б тоже вырваться из буден,
Я так же как и ты, безумен,
В желанье крылья обрести.

* * *

Жене Галине

Что тут поделаешь, жена,
Ну вот и к нам подкралась осень.
А вот нужна, иль не нужна,
Она согласия не спросит.

Давай затопим печь, жена,
И заварганим славный ужин,
Ты мне, как никогда, нужна,
И я тебе, как прежде, нужен.
Дым заklubится из трубы,
Да так, чтоб кольца в небе вились,
И у натопленной избы
На окнах стекла прослезились.

У ЛЮБВИ НЕТ ВОЗРАСТА

Ты помнишь, это было так давно,
Мы вечером приехали в Соцгород,
И в дом к тебе вошли через окно,
Ты – молода была, и я был тоже молод!
Черемуховый запах лился к нам,
Дурманил нас с тобою запах этот.
Мы жарко целовались у окна,
Распахнутого нами настезь в лето.
Прозрачный шар по небосводу плыл,
Вдали сверкала всполохом зарница,
Тем вечером, что нам подарен был,
Мы не могли с тобою насладиться.
Года уходят в Лету, черт возьми!
Я поседел и стал совсем не молод.
Нет, все-таки, у нашей – у любви
Нет возраста, есть только вечный голод!
И хоть с тобой мы не повенчаны,
Ты мне рукой Всевышнего дана.
Ты для меня всегда святая женщина –
Мой прокурор, мой адвокат, моя жена.

* * *

Вот и снова дома я,
Здравствуй милый дом!
Обмелела Томь моя,
Островки кругом.
Прямо у обочины
На закате дня
Встретил заколоченный
Отчий дом меня.
На ветру колышется
Высохший ранет,
Что-то тяжело дышится
Под ранетом мне...
Верба хлестко веткою
Обожгла лицо:
Я бегу с ранеткою
К маме на крыльцо.

* * *

Не нравятся мне белы облака,
Они на землю смотрят свысока,
Как будто бы с трибуны на параде
Знакомые упитанные дяди.
Приемлю сердцем туч свинцовых семью,
Когда гроза расколется небосвод,
Всю душу тучи выплеснут на землю,
И грудь моя по-новому вздохнет!

* * *

Лунный свет совсем потух,
Стало жутко тихо.
Сиплым голосом петух
Кукарекнул лихо!
Рябь по речке пронеслась,
По волнам, как веером.
Первый лист упал кружась –
Осенью повеяло.

* * *

И солнце все то же, и звезды все те же,
Журчит говорливо ручей под горой.
А встречи со счастьем становятся реже,
Все чаще грустится вечерней порой.
А может то старость, а может усталость?
Да нет же, костер мой еще не затушен,
В нем жар так и пышет, хоть пламя не дышит,
Теплом согревая мне сердце и душу!
Мне в юности давней вот так же грустилось,
Но грусть та была не сродни этой грусти.
Мне грезилось нечто, мне часто любилось,
Все в розовом свете мечталось и снилось.

* * *

*В России добрые люди –
почти всегда пьяные люди,
И пьяные люди – всегда добрые люди.*

Ф. М. Достоевский

А я весну встречаю чаркою,
Сегодня, видит бог, напьюсь.
И побеседую с овчаркою,
И с нею бражкой поделюсь!
Сегодня море по колено мне,
Мне будет, Боже, что со мной!
Какая в жизни перемена
Пришла мне нынешней весной!
И я пускаюсь в медитацию,
Всем до свидания, пока,
Вооружившись левитацией,
Я поднимаюсь в облака.
О, это чуднее мгновение,
Что я меж звездами лечу,
Какое сердцу вдохновение,
Что мне любое по плечу!
Вдруг, слышу, лай овчарки мается,
И чей-то голос не понять,
Меня жена, смеясь, пытается
Из будки пьяного достать!

* * *

I

Я ухожу туда, где леший
Ночами гукает в тиши,
Я добираюсь в дебри пешим,
Где ни единой нет души.
И мой кумир – тайга сплошная,
Я в ней сомнения лечу.
Здесь белка рыжая, смешная
Стремглав летит по кедрачу.
А бурундук, он как ребенок,
Мне, незнакомцу, удивлен,
Сжимает лапками опенок,
Как будто бы пустышку он.

II

Мне мох таежный, как всегда – подушка,
Луна лукавая – в ночи подружка,
Пройтись босому по росе приятно,
Тайга – во всей своей красе опрятна!
Она в осеннем неглиже, о боже!
Я очарован, я уже моложе!
Поем «печёнки» из костра, ребята,
И улетучится хандра куда-то!
Попью воды из родника и млею,
А после пива, как всегда, болею.
Пусть других влекут моря – их много,
А мне таежная заря – подмога!

* * *

Кукушка ночью куковала...
Я это слышал столько раз,
Как будто душу изливала.
Все птицы спали в этот час.
А я не спал, перо скрипело,
На лист ложилась строка,
О том, что за день накопело,
Был труден день... ну а пока
Я вышел в сад, снята рубаха,
Кукушечка ку-ку опять,
Прости меня родная птаха,
Что не могу тебя понять.
Не ведом нам язык природы,
Знать, потому из века в век
К таким, как ты, к тебе подобным
Был беспощаден человек!
На свете нет страшнее зверя,
Чем человек. Она свое,
Года кукует, мне не веря,
О, как разубедить ее!

* * *

Надоело слушать речи:
«Тот хорош, а этот плох» –
Я смотрю, как теплый вечер
Псу вычесывает блох.
Вот идет сосед по скверу,
Сразу видно с «бодуна»,
Я налью ему, наверно,
На похмел стакан вина.
Он, конечно, алкоголик,
Развалилася семья.
По России бродит сколь их?
Ну да бог им всем судья.
Мне не жалко ни закуски,
И, конечно же, вина,
Жалко, что родился русским,
В этом не моя вина.

Знать, такие мы славяне,
Плакать надо – бесимся!
Пока гром во всю не грянет,
Мы не перекрестимся!

* * *

Потянуло дымком, и запахло Отечеством
Босоногим и давним,
Защемило в груди.
Что же ждет впереди тебя – человечество,
Позабывшее главное: не навреди?

* * *

Умом Россию не понять,
А надо ли, ядрена вошь!
Попробуй рубль поменять
На доллар,
Может быть, поймешь!

* * *

Не выдержала старость натиск жуткий,
Нет, с государством не играют в блиц.
И, старость оказалась в промежутке,
Меж яблоч двух упругих ягодиц!

* * *

Извини меня подруга, извини,
Вот тебе моя порука, черт возьми.
С пьянкой, буду я подлюка, завяжу.
Отвечала мне подруга: «Погляжу».
Умерла моя подружка, меркнут дни.
Выпью с горя, где же кружка, извини.

* * *

Отогрей мою душу, подруга,
Я сегодня, как бубен – пустой.
Занесла меня пьяная вьюга
Темной ночью к тебе на постой.
Извините, мадам, извините,
Нам не стоит, по-моему, пить.
Не сучатся две жизненных нити
В ваших пальцах в единую нить.
За окном не скулит больше вьюга,
Прогорели в камине дрова.
...В кресле дремлет ночная подруга,
И ужасно болит голова.

* * *

Депутатам

Надоели вы все нам,
Правду скомкав искомую,
Вы, беременны сеном,
Разродились соломою!

* * *

Замечу малу толику
Не верьте никогда,
Рекламным ярким роликам,
Обманут, как всегда!
Вас не тошнит? Напористость,
С которой, как хорьков,
В силки вас ловят. Совесть есть?
Жив Леня Голубков!

* * *

Я вчера на несколько минуток
За спиною крылья обретая,
Вдруг догнал косяк летящих уток,
Радуюсь полету, как дитя!
Подо мною скошенное поле,
С птичьего полета – благодать.
Я, познавший, что такое воля
Не хотел косяк тот покидать!
Только мне за ними не угнаться,
Я осел тоскливо на стерне.
Мне уже себе пора признаться,
Крылья за спиною не по мне!

* * *

Пью юности моей вино,
И с каждой рюмкою трезвею,
Закрыта дверь зелёну змею,
И лишь распахнуто окно.
А за окном – цыганка ночь,
Глядит в меня блудливым взглядом,
Глядит, как я глядеть когда-то
На женщин, в общем, был не прочь.
О, безмятежные года,
Когда, казалась юность вечной,
Но все промчалось быстротечно
Как в речку вешняя вода.
Я стал вальяжен и ленив,
Как незатейливый мотив,
И, уж конечно, не подвластен
Как в юности безумной страсти.
Но вот сверкнёт в ночи гроза,
И я свой имидж разом рушу,
О, вы, цыганские глаза,
Не бередите мою душу.

АПОФЕОЗ

У меня одно желанье есть,
Прошагавши жизненное поле,
Было бы что выпить, да поесть,
Остальное – суета, не боле.

* * *

Давай-ка, вдарим по кваску!
Что режет ухо?
Разгоним липкую таску,
Мой друг Карпуха.
Не надоело каждый день
С испитой рожей?
Ходить в пивнушку, словно тень –
Себе дороже!
И не пыhti, как паровоз
Табачным дымом.
Совсем щетиною зарос,
Жизнь катит мимо!
А вспомни, Карп про наш Парнас
Гуляли, да мы.
И были, Карп, с тобой у нас
Такие дамы!
Не те, что пьют из стакана:
«Еще налей-ка»,
– Распорядилась так она –
Судьба-злодейка.
Распорядилась? Это ложь,
Блохе на жалость.
Ты это понял, ну так, что ж,
В глазах усталость?

ГОРЬКИЙ МЕД

Басня

Однажды шмель прокрался в улей пчел,
Он думал, что своим могучим родом
Нагонит страх на тружениц, при чем,
Полакомится вдоволь ихним медом.
С трудом просунув голову в леток,
Окинув улей, полный меда, глазом
Он, не успевши сделать и глоток,
Тот час же был смертельно наказан!
Мораль здесь разве глупый не поймет,
Говорено не раз об этом сколько:
«Не трогай не тобой добытый мед,
Иначе мед тот будет очень горький!»

* * *

Говорят: «Где тонко, там и рвется»
Только это надо посмотреть,
Паутина столь тонка, а бьется,
Муха в ней не в силах улететь!

* * *

Самолюбие, как нижнее белье,
Чтоб иметь его, не надо всем доказывать.
Да, белье нам всем необходимо, но
Не старайся его на людях показывать.

* * *

Полуправда лжи сильнее,
Дорогого стоит.
Ложь всплывает, стыдно ей,
Полуправда тонет.

* * *

Не замарай души своей, сынок,
Мне говорила полуграмотная мама.
И я по жизни шел, хоть падал, прямо,
Запомнив на всю жизнь ее урок.
Душа, сынок, не в доме половица,
Грязь с половицы можно и отмыть,
Душе от грязи помни, не отмыться,
И не возможно душу отбелить.

* * *

Я мыслей стадо гоню на выгон,
Я ихний пастор, мне жребий выдан.
Я их считаю, подвижны мысли,
Бичом стегаю, не разбрелись бы.
Мне очень надо по травам поля
Пригнать то стадо до водопоя,
День в чистом поле осел в осадок,
Я всем доволен, насытил стадо!
На стадо дышит прохладой ночка,
«Дою» стихи я в подойник строчкой!

* * *

Стань музыкою слово.

Евгений Винокуров.

Странное дело, меня по ночам будит дождь,
Не проливной, с громом и молнией, а простой.
Затяжной, или как говорят – грибной, что со мной?
Просыпаюсь, отчетливо слышу, как он царапает крышу.
Тише, тише, почти перестанет и вновь нарастает.
Выхожу в сени. Осенний запах дождя холодит ноздри.
После теплой постели запахи осени обострены особенно.
Чувствую легкий озноб от ясности мыслей,
От слов, набегающих одно на другое. Что такое?
Возвращаюсь в дом не спеша, и готов хоть сорваться с места.
Состояние всем известное и душа наполняется музыкой.

Слова...

И, снова дождь не спеша, тише, тише,
Почти перестанет и вновь нарастает, и, так до утра
Вперемешку с дождем скрип пера.

*...располагайте радостью моей бесконечно,
Или хотите, сама я вам радость раздам.*

**Из стихотворения Фазу Алиевой
«Радость взаимы»**

Я сегодня печально поник головой,
И отчаянья миг пошатнул мой устой.

Постой, слышу голос я незнакомого мне человека, вбивающего в меня, как гвоздями: «Возьми мою радость, веселье мое возьми!»

Простодушно смотрели его глаза и лучились весельем весенним,

«Возьми», – еще раз на прощанье он мне сказал. – «Располагай моей щедростью бесконечно!» Я чувствовал сердцем, что это все чистосердечно, но я промолчал, очарован веселием чар. Что мог я ответить ему, моему незнакомому другу,

Пожав ему руку и все же, не развеселясь его даренными радостью и весельем, когда над моей головой весела моя печаль одинокая, сонная, ни кем так и неразделенная.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

На улице стужа февральская – ужас! Позднее времечко.

Бабушка и я у печки русской лузгаем семечки, трещат дрова.

Пахнет смольем. Бабушка – не охотливая на слова думает о своем.

И словно нет ее, и тьма, сзади берет за плечи меня. ... Тепло и жутко таким вот вечером у огня. Стекла окон затянуты льдом, как бельмами глаза, мороз – наверное, за 45. Наш дом опять кажется мне сказочным теремом в ледяной стране.

Краешком глаза смотрю на бабушку, не моргнувши ни разу. Лицо – как дряблая картофелина, похожее в профиль на Бабу Ягу, только, я ее не боюсь. Иногда над нею смеюсь, но, а, в общем, лелею и берегу, мою добрую Бабу Ягу.

ГОЛУБИЧНЫЕ ГЛАЗА

Мамско-Чуйская сторона голубичная...
Проживала там девчонка симпатичная:
Голубичные глаза – словно на небе гроза –
Поразили мое сердце необычностью
Как сказал поэт в порыве вдохновения,
Наша юность – это чудное мгновение,
Был я молод и горяч, и по жизни неся вскачь –
Пригласил ее на танец без стеснения.
А девчонка, а девчонка-хохотушечка
Отказала и пошла с другим, игрушечка:
«На губах твоих пушок, отрасли усы дружок!» –
Мне в ответ она мяукнула на ушечко.
Сорок лет назад, как сорок дней отброшено...
Подвозил я на такси старушку душлую.
Оглянулся вдруг назад –
Голубичный мутный взгляд.
На меня смотрело выцветшее прошлое.

* * *

Судьба протягивает руки...
О гравитациях сердец,
Печаль души, тоска разлуки,
Предначертанья, наконец.
Смотри, как ветер землю будит,
Нам возвращая время вспять,
И разум шепчет: – счастье будет...
Но начинаются опять
Упреки ревностного взгляда,
А с ним моя печаль и грусть,
Неужто этого нам надо,
Я просто этого боюсь.
И обожаю взгляд надменный,
Обезоруживаясь вновь.
Не поминаю, но приемлю
Тебя, как есть, моя любовь.

* * *

По России ветер свищет,
На задворках пыль крутя.
Справедливость крова ищет,
Как бездомное дитя.
Гонят в шею справедливость,
Коль появится, везде.
Справедливость приютилась
Лишь в кукушкином гнезде.

* * *

Я наблюдаю жизнь свою, сверстав
С такой невыразимою тоскою
Дивертисмент осеннего листа,
Упавшего с березки над рекою.

* * *

Он стар, но все еще батрачит
Кто мне ответит почему?
Посмотрит и душа заплачет
От сострадания к нему.

* * *

Там, под бугором, где болото,
И где, украшен позолотой,
Лениво задремал камыш,
Такая благодатна тишь,
Что раздирает рот зевота.
Проблемы прожитого дня
Уже не достают меня.
Я здесь один, о, как прекрасен
Над Томью вечером закат!
Пусть я деньгами не богат,
Зато душою чист и ясен!
Здесь не услышу я вранья,
Ни сладких слуху заверений,
И, как сказал когда-то гений,
Я полон чудного мгновенья
В осадке прожитого дня!

* * *

Не завидуй, не суди и не злорадствуй,
Встало солнце – ты ему скажи:
«Вот и снова встретились мы – здравствуй,
Счастлив я хотя бы тем, что жив!»
Здравствуй мать, природа дорогая,
Жаворонка пение с утра.
Не нужна мне Родина другая,
Если в ней достаточно добра!
Надо, чтоб прожить достойный век,
Не войдешь в одну и ту же реку,
Дважды, дорогой мой человек!

* * *

Живи, как бог положил, плачь и смейся.
У каждого свой срок, и свой венец,
Что наша жизнь – в конечном счете, песня,
В которой есть начало и конец!

* * *

Вот Кремль засиял
И стекают в подвал бомжи...
Ах, как не любить надо россиян,
Доколь же.
Означились звезды в кромешной ночи
Кровавой проказой,
Мочи, чтоб чужие боялись, мочи
Своих, не моргнувши глазом.
Мочи хоть в сортире, как кто-то сказал,
В Бесланах, Норд-Остах.
Москва и по ныне не верит слезам,
Что капают на погостах.

* * *

Ну, здравствуй, сытая Москва,
Где много «зелени» и «света»,
Салонной праздности поэта,
И где кружится голова!

Здесь собираются на вече,
Судить о боли нашей вечной.
Кто виноват, и в чем причины,
Все те же сальные мужчины.

Нас убеждают в темпах роста
Мы «у заветной у черты»,
Но что растёт – так это на погостах
Простые деревянные кресты.

МОНОЛОГ ОСУЖДЕННОГО ПО СТАТЬЕ 58

Я – по доносу – враг соцстрою,
По убеждению – коммунист,
Меня убил своей рукою
Упитанный энКаВеДист!
Остался сын. Он в сорок пятом
Свой самолет вел на таран,
Пленен был, а потом упрятан,
В Сибири, как репатриант!
Мой внук – он мыслил не стандартно,
И в те застойные года.
Режимом цепким, но бездарным
Был депортирован тогда.
Теперь мой правнук ищет правду...
Дай бог, чтоб этого мальчика
Не опалила участь та же,
Что деда, прадеда, отца!

* * *

Не беда, что денег нынче кукиш,
Было бы здоровье, знают все,
Что его за денежки не купишь,
Как в сельмаге банку монпансье.

У кого-то этих денег – куча,
Он, самовлюбленный, как питон.
И меня, конечно, много круче,
Только он бессонницей замучен
У меня – здоровый, крепкий сон!

* * *

Перемелется – будет мука...
Пьем сегодня шампанское с водочкой,
Если тянется к рюмке рука,
Если сохнет без водочки глоточка,
Да, к тому же, под боком молодочка,
Значит жизнь, старина, – не тоска!

СКАЗ ОБ ЭЛЕКТОРАТЕ И ИЗБРАННОМ ДЕПУТАТЕ

ПРОЛОГ

Вот уже в который раз, вновь обманывают нас,
Нам подсовывают грабли, чтобы лбами мы не слабли!
И уже электорат наступить на грабли рад!

Небо вымерзло как лужа, в луже звездочки блестят.
Депутату срочно нужен комбикорм для поросят.
Не накормит поросят – депутата не простят,
Отберут у депутата в красной корочке мандат.
Без мандата депутаты, как без вымени телята,
Отбери – протянут ноги на ухабистой дороге.
И, поверь, заголосят, хуже наших поросят!
Где достать комбикорма, если пусты закрома,
Разбазарен комбикорм – вот такой вот коленкор!
Депутата бы за это к уголовному ответу,
Кто ж осмелится ребята, посягнуть на депутата?
Под статью б его, так вроде, он же выбранный в народе,
Он народу в корне верен, только неприкосновенен!
Вот и думай голова, за кого голосовал!
Нет историй достоверней, чтоб не начался падеж,
На злосчастной свиноферме был приказ: «Свиней под нож!»
Хоть и веса не набрали, поросятки так визжали,
Тут на визг со всей округи, наши преданные «слуги»
Понаехали на джипах. Приготовлен был с аджикой
Там шашлык для всех гостей, разных рангов и мастей!

Пили водку под шашлык, да чесали свой язык,
Все хваля наперебой депутата меж собой.
На шампур мотая слюни, ворон ворона не клюнет!
Кое-кто был очень рад, выбирая поросят.
И конечно задарма, как и те комбикорма!
Все довольны, все голубы, зубочисткой чистят зубы,
И целуются в уста, не укусит хлюст хлюста!..
После оргии той скверной, (это – истина, не блеф),
Разломали свиноферму, все сравнивали под рельеф.
Нету фермы, нет следов, будь здоров – всегда здоров!

ЭПИЛОГ

Тут прошел слушок малыш:
Где стояла свиноферма,
Трассу горную для лыж
Будут строить непременно.
Контролером в аккурат
Стал знакомый депутат!
Тут истории – конец,
А, кто слушал – молодец!

* * *

Покосился мой забор, руки не доходят,
Слышен хромки перебор, зная сосед на взводе.
Выпью терпких трав настой, сам себе провизор.
Я по жизни не простой, сединой пронизан.

Если голод пережил с небольшим усилием
С изобилием не вопрос, справлюсь с изобилием!
Коли Богом суждено было здесь родиться,
То покинуть мне грешно милую светлицу.

Не оставлю, хоть убей, своего гнезда я,
Тертый, старый воробей, не примкнувший к стае.
Здесь привольно мне дышать, сладок воздух здешний,
Не могу я поменять быт свой на скворешник.

Заходи ко мне босой, дверь всегда открыта,
Хоть на час, хоть на постой, накормлю досыта.
Прогутарим тет-а-тет, доброе пророча,
Я охочий до бесед с человеком очень.

Пожелтел на грядке лук, надо подсобиться...
Чу, в окошко – тук, тук, тук, просится синица.

* * *

Что бы нам с тобой поесть,
Что поесть? А то, что есть.
Хлеба черного краюшка,
От ухи вчерашней юшка.
Запеченная картошка,
Да огурчиков немножко.
Да, забыл я, бедолага,
В трехлитровой банке брага,
Как чистейшая слеза
– Так бы сразу и сказал!
Наливай-ка поскорей,
Видишь, вон взошел пырей,
Пропитаемся пырьем,
Живы будем – не померм!

Спит сосед мой, бога ради,
Только храп по всей ограде!

ВОЗВРАТЯТСЯ ДОМОЙ СИЗАРИ

Я увидел в глазах твоих грусть,
Неприветливой, слякотной осенью.
Что же ты запечалилась Русь?
Словно женщина с прядкою проседи.

Твои голуби, взрослыми став,
На крыло поднялись в небо птицами
Подались поискать те места,
Лучшей жизни себе за границую.

Не кори ты себя, не кори,
По родимой сторонке соскучившись,
Возвратятся домой сизари
Под любимую стрехою скучившись.

ПОКЛОНИМСЯ НИЗКО МЫ КРАСНОМУ СЯГУ

Весной зацвела изумрудом ракита,
Опять на могиле отца моего,
Никто не забыт, и ничто не забыто,
Давайте внучата помянем его.

Поклонимся низко мы красному стягу,
Перед которым России сыны,
Припав на колено, давали присягу
На верность Отчизне в годину войны!

Девятого мая заблагоухает
Знаменами красными площади вновь,
Но с каждой весною ряды ваши тают,
Нам так не хватает Вас, фронтовиков!

А эхо войны все становится глуше,
На наших глазах девальвирует нрав,
И перерождаются русские души
Под натиском доллара совесть поправ!

* * *

Дед семейство огорчил:
– Не поеду в хоспис.
Он сегодня получил
Пенсию под роспись.
– На казенные харчи
Не желаю, дочка,
Помирать, так на печи,
В своей хате, точка!

* * *

Кто мозги нам грешным вправит?
Не пойму я, сон ли, явь?
Лищедеи миром правят,
Под себя страну подмяв.
И становится мир прост
С инкубаторами «звезд».
Оттянись и приколись,
Только богу не молись.
Завлекают лицедеи,
И толпа от них балдеет.
Все на яркой стороне.
Только я, без «дольче виты»
Словно пасынок забитый
У себя в родной стране.

* * *

О, старость некудышняя,
Как от тебя уйти
В объятия всевышнего,
По Млечному пути!

* * *

В жизни больше, конечно, хорошего,
Забываются горести пусть.
Нынче осень – жар-птица из прошлого,
Обновляет мне красками грусть.

* * *

Забыл тебя, как прошлогодний снег,
На небе вечер зажигает свечи.
Я греюсь у натопленной мною печки,
Теперь вполне свободный человек.
Я здесь совсем один в подлунном мире,
И у печи оттаяла душа,
Пусть жизнь моя не так и хороша,
Зато свободна, как волна в эфире.
Крещенские морозы злятся пусть,
Окно в моем «бунгало» запотело,
Зима, окрасив полночь синим мелом,
Вливает в душу сладостную грусть.

* * *

В бокале пью напиток пенный,
Мой друг, поэзии нетленной,
Огонь березовый в печи
Отогревает сокровенно
Заблудший разум мой в ночи.

* * *

Вечер тихий, диводей,
Сон наводит на людей,
И раскатывает день,
Как оладью, молча в тень.

За грехи за человечьи
Зажигает звезды-свечи.
Значит, будет ночь тиха,
И не будет в ней греха.

Тянет с севера прохладой,
Ночь приятственна, как ладан.
Птичка свистнет – спать пора,
Сон глубокий – до утра.

Ну, а утром солнце встанет,
Грех людей опять достанет.

* * *

Я иду во сне скользкой наледью
И боюсь поскользнуться, упасть.
Это рвется душа моя на люди,
Так безудержно – просто напасть.

После долгого сна одиночества,
Беспробудного в царстве зимы,
Нам людского общения хочется,
По нему так соскучились мы!

Повстречаются души заблудшие,
И придет осознание вдруг,
Что общение – самое лучшее
От недуга лекарство, мой друг!

* * *

Я свободен, как лист, пожелтевший, сорвавшийся с тополя,
Только что мне такая свобода? Одна лишь напасть.
Сколько ноги мои по ухабам российским протопали,
Что теперь я боюсь от земли оторваться, пропасть.

* * *

Я и лошадь, я и бык,

Я и баба, и мужик.

Н. Некрасов

Да, было же время такое,
Когда наравне с мужиком
Ишачила баба в забое
С отбойным своим молотком!
И норму за смену давала,
Спустившись под землю она,
Еще не такое бывало,
Тогда мужиков не хватало
Когда их скосила не мало
Проклятая с немцем война!
О, ей бы мальчишек побольше
Рожать в те лихие года,
Да не было доли той горше,
У женщины русской тогда!
Что нынче о жизни их знаем?
Без мужа, без сына, отца!
Батрачили в поте лица,
Подписывались на займы.
Когда собиралась складчина,
В саманном бараке у нас,
То был там один я мужчина,
И женщины пили не квас,
Стаканы подняв за здоровье

И бражку из лагушка.
И, в этом веселии вдовьем
Такая сквозила тоска!
Да, сгинули годы лихие,
Но, помнится мне тот уют,
А, песни-то пели какие,
Такие давно не поют!
А, ну-ка старик, наливай-ка,
Берет что-то душу озноб,
Жакетка из плюша, фуфайка,
Вот на зиму их гардероб.
Подняли страну из разрухи,
По чьей же скажите вине
Теперь они – просто старухи,
Ненужные сытой стране.

СЕДЬМОГО НОЯБРЯ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТОГО

На дворе трещит мороз,
Как пощечина,
У окошка пялит нос
Безотцовщина.
Телогреечка до пят,
В дырах валенки.
Я в ватаге тех ребят
На завалинке.
Десять лет, как нет войны,
Слезы высохли,
Кто в плену побыл, вольны,
Но на выселках.
Пообтаяло окно,
Все в проталинах.
Слава богу, нет его
Ёськи Сталина.
А в бараке суета,
Печки топятся,
Видно, бабы, неспроста
В кухне топчутся.
Дни недели позади,
Отбатрачены.
Выходные впереди,
Пьянка – вскладчину.
В день седьмого ноября,
Вы бы видели,
Как гуляли от рубля победители!

* * *

Когда мутится разум,
И на сердце печаль,
Бросай дела все разом,
В тайге рассвет встречай!

На речке Харюзовке,
Какие там места!
Я делал зарисовки,
Почти, как Левитан.
Лазурный купол неба
Безудержно манил,
Я сытым был без хлеба —
Там воздухом одним!

И просветлялся разум
В таежной тишине,
Где белка карим глазом
Подмигивала мне!

* * *

Я живу не на Рублевке,
Катит жизнь без перемен.
Покупаются обновления
Мною в лавке «секонд-хенд»
Шевелюсь я понемножку,
Хвастать нечем, посмотри,
Сам себе сажу картошку
В огороде сотки три.
Колупаюсь понемножку,
Без движенья нам беда,
Чтоб, на зиму без картошки
Мне остаться – никогда!
Но, приходится признаться,
Дорожает жизнь – крепись.
И за нею не угнаться
Моей пенсии не вжись!
Я конечно не в загоне,
Я свободен нынче, блин,
Я – пенсионер в законе,
Потому себе я ноне
И слуга, и господин!
Хоть и ставит жизнь подножки,
Поднимаюсь все же я,
Для меня, как свет в окошке –
Это хижина моя.
Утром выйду – тьма одета

В перламутровый рассвет,
Мне сиреневое лето
За оградой шлет привет.
Вижу, ветер землю будит,
Угоняя стаю туч,
Значит, день погожим будет,
Вот и брызнул солнца луч!
Заиграла рыба в речке,
В раз замолкли петухи,
Сладко екнуло сердечко
В предвкушении ухи!
Поклонюсь я долу низко,
Жизнь не так уж и плоха,
Коль несу я рыбы сниску,
Значит, будет и уха.
Заходи ко мне прохожий,
Я в деревне на слуху,
Мне на пенсии негоже
Одному хлебать уху!

* * *

Не пойму я, что-то очень,
Между нами говоря,
Мы свободы нынче хотим,
Или батюшку царя?

* * *

Я слово Родина ассоциирую
И со смородиною,
И с малиною.
С печальным месяцем,
Когда подковкою
Над нами свесится,
А не с Рублевкою.
С гулянкой вскладчину
Годами сколькими,
Где все оплачено
Слезами горькими.
Позаросло быльем
Все наше прошлое,
И мы все пьем, и пьем,
А что хорошего?

* * *

Графومانу

Стихи – у Пушкина,
У вас – стишки,
Стрелок из пушки он,
Вы – из кишки.

* * *

Широка страна моя родная,
Есть простор для славных, ратных дел,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит беспредел.
Чья-то жизнь привольна и широка,
Словно Волга полная течет,
Беспринципности у нас – дорога,
Тем, кто с «бабками» – у нас почет.
Оттого чиновники и млеют,
Что на них управы нынче нет,
Да никто на свете не умеет
Лучше их распиливать бюджет.
Растопырив жиденькие крыльца,
Честно жить – кому-то не в чести,
И у них упитанные рыльца
Не в пушку, а по уши в шерсти.

* * *

«Найди время выбрать будущее».

ЦИК России 1998 год

Вранье – как воронье, нам в души село,
И, каркает зело до беспредела.
С семнадцатого года, между прочим,
Земля – крестьянам, фабрики – рабочим!

Всю жизнь лукаво кормят нас пророчеством,
За будущим выстраивая очередь.
Мне будущего «чашу» ту не пить,
Сегодня бы достойно мне прожить.

* * *

Быть удобным для всех не старайся,
Перед сильными мира — не кайся,
Пригубивши однажды лести —
Потеряешь достоинство, честь ты.

Развелось нынче всякого сброду,
По-хорошему с ними нельзя.
На обидевшихся — возят воду,
Говорится в народе не зря.

На изнанку всю душу хоть вынь — я
Потеряю лишь с нею связь.
Не мечите вы бисера свиньям,
Все равно все затопчется в грязь.

СОДЕРЖАНИЕ

Автобиография.....	3
Где грудь забоя скорбно мироточит.....	4
«После рельсовой революции...».....	5
«Месяц спрятался за копер...».....	6
«Не одну я рубаху выжал...».....	7
«По шурфу поднимается к свету...».....	9
«Про это я еще не рассказал...».....	10
«Смонтирована нами в шахте лава...».....	12
«Нету преданной друга...».....	13
«Я вспоминаю молодость вчерашнюю...».....	14
«На копре закрутились два колеса...».....	15
«Помню, как мне в юности долдонил...».....	16
«Елки-мotalки...».....	17
«Мы угасаем, словно свечи...».....	18
Разговор хмельной за кружкой пивной.....	19
Забывшее слово.....	21
«Труд шахтера пострашней торнадо...».....	22
«Жизнь со мной играла в прятки...».....	24
«Заря котенком розовым...».....	25
«Солнце просит извиниться...».....	26
«Шелест осени, шелест осени...».....	27
«Я верю вдохновению, оно...».....	28
«Как во сне...».....	29
Осень.....	30
В день Победы.....	31
«Туда, туда, на Корчуган...».....	32
«Смотрю, как низко у земли...».....	33
«Что тут поделаешь, жена...».....	34
У любви нет возраста.....	35
«Вот и снова дома я...».....	36
«Не нравятся мне белы облака...».....	37
«Лунный свет совсем потух...».....	38

«И, солнце все тоже, и звезды все те же...»	39
«А я весну встречаю чаркою...»	40
«Я ухожу туда, где леший...»	41
«Кукушка ночью куковала...»	42
«Надоело слушать речи...»	43
«Потянуло дымком, и запахло Отечеством...»	44
«Умом Россию не понять...»	44
«Не выдержала старость натиск жуткий...»	44
«Извини меня подруга, извини...»	44
«Отогрей мою душу, подруга...»	45
«Надоели вы все нам...»	46
«Замечу малу толику...»	46
«Я вчера на несколько минуток...»	47
«Пью юности моей вино...»	48
Апофеоз.....	49
«Давай-ка, вдарим по кваску!...»	50
Горький мед	51
«Говорят: «Где тонко, там и рвется...»	52
«Самолюбие, как нижнее белье...»	52
«Полуправда лжи сильней...»	52
«Не замарай души своей, сынок...»	53
«Я мыслей стадо гоню на выгон...»	54
«Странное дело, меня по ночам будит дождь...»	55
«Я сегодня печально поник головой...»	56
Память детства	57
Голубичные глаза	58
«Судьба протягивает руки...»	59
«По России ветер свищет...»	60
«Я наблюдаю жизнь свою, сверстав...»	61
«Он стар, но все еще батрачит...»	61
«Там, под бугором, где болото...»	62
«Не завидуй, не суди и не злорадствуй...»	63
«Живи, как бог положил, плачь и смейся...»	64
«Вот Кремль засиял...»	65

ГРУДЬ ЗАБОЯ СКОРБНО МИРОТОЧИТ

«Ну, здравствуй, сытая Москва...»	66
Монолог осужденного по статье 58	67
«Не беда, что денег нынче кукиш...»	68
«Перемелется – будет мука...»	69
Сказ об электорате и избранном депутате	70
«Покосился мой забор, руки не доходят...»	72
«Что бы нам с тобой поесть...»	73
Возвратятся домой сизари	74
Поклонимся низко мы красному стягу	75
«Дед семейство огорчил...»	76
«Кто мозги нам грешным вправит?...»	77
«О, старость некудышная...»	77
«В жизни больше, конечно, хорошего...»	77
«Забыл тебя, как прошлогодний снег...»	78
«В бокале пью напиток пенный...»	78
«Вечер тихий, диводей...»	79
«Я иду во сне скользкой наледью...»	80
«Я свободен, как лист, пожелтевший, сорвавшийся с тополя...»	81
«Да, было же время такое...»	82
Седьмого ноября пятьдесят пятого	84
«Когда мутится разум...»	85
«Я живу не на Рублевке...»	86
«Не пойму я, что-то очень...»	88
«Я слово Родина ассоциирую...»	89
«Стихи – у Пушкина...»	89
«Широка страна моя родная...»	90
«Вранье – как воронье, нам в души село...»	91
«Быть удобным для всех не старайся...»	92

74 руб. 30 цена
кол.

Литературно-художественное издание

Николай Бацевич
ГРУДЬ ЗАБОЯ
СКОРБНО МИРОТОЧИТ

Стихотворения

Приложение № 43 к журналу «Огни Кузбасса»

Автор проекта **С. Л. Донбай**

Редактор **Д. Мурзин**
Компьютерная верстка **М. Л. Костомаровой**
Дизайн обложки **А. М. Соколов**

Подписано в печать 18.12.2013. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 2,01. Тираж 500 экз. Заказ № 11

Адрес издательства и типографии: ООО «Печатный двор Кузбасса».
650000, г. Кемерово, пр. Советский, 67, тел. (3842)76-58-88.
E-mail: 89235111122@mail.ru

Где грудь забоя скорбно мироточит

Разбужен взрывами с утра медвежий уголь
В сибирской дальней, буреломной стороне.
Здесь добывается кузбассовцами уголь,
Который так необходим моей стране.
Драглайн стрелою разгоняет в небе тучи,
Кипит работа от утра и до утра,
Чтобы Россия наша сделалась могучей,
И, было в людях больше света и добра.
Где на копрах всю ночь горят прожектора
Бурлит в забоях неустанная работа,
А, это значит у шахтеров есть забота,
Чтоб нам жилось сегодня лучше, чем вчера.
Я прикипел к тебе, кузнецкая тайга,
Твоих объятьях я подпитываю силу,
И, с каждым разом все сильнее люблю Россию
Которая, как мать мне дорога!